

УДК 81'27

М.И. Лисова*

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИКТОВ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

Цель данной статьи – показать, как мифологическое сознание проявляется в современном английском языке на примере грамматических конструкций. Объект исследования – английские безличные грамматические конструкции, грамматические архаизмы, случаи использования одушевленных по отношению к неодушевленным объектам, а предмет – отраженные в них реликты мифологического сознания. Задача работы – показать, каким образом черты мифологического сознания проявляются в современных грамматических конструкциях.

Ключевые слова: миф, мифологическое сознание, грамматические конструкции, языковое мышление.

Говоря о грамматических конструкциях в аспекте языкового мышления, следует учитывать: грамматические категории формировались на том этапе развития человечества, когда важную роль в построении языковой картины мира играли не объективные признаки, а субъективные представления носителей языка. Таким образом, исходя из положения о том, что антропоцентризм, т. е. перенесение человеком своих свойств и характеристик на окружающий мир, есть одна из основных черт мифологического сознания, можно предположить, что некоторые грамматические категории имеют мифологическое происхождение. Это утверждение относится, в частности, к английскому языку, однако по мере развития мышления развивался строй английского языка, менялись грамматические конструкции.

Рассмотрим, к примеру, архаизмы *methinks*, *meseems*, просуществовавшие весь среднеанглийский период и даже немного дольше:

I could munch your good dry oats. **Methinks** I have a great desire to a bottle of hay: good hay, sweet hay, hath no fellow.

(W. Shakespeare. A Midsummer Night's Dream)

Что ж, от гарница корму я бы не отказался. Охотно почавкал бы доброго сухого овса. Мне чувствуется, что я был бы очень рад охатке сена. Хорошее сено, вкусное сено ни с чем не идет в сравнение.

I must to the barber's, monsieur; for **methinks** I am marvelous hairy about the face; and I am such a tender ass, if my hair do but tickle me, I must scratch.

(W. Shakespeare. A Midsummer Night's Dream).

Мне пора бы к цирюльнику, мадам; потому что я, **кажется**, удивительно оброс вокруг лица; а я такой деликатный осел, что если меня хоть одна волосинка щекочет, то я сейчас же скребусь.

Sir Leopold heard on the upfloor cry on high and he wondered what cry that it was whether of child or woman ... **Meseems** it dureth overlong.

(James Joyce. Ulysses)

* © Лисова М.И., 2015

Лисова Мария Игоревна (lisova.mariya@mail.ru), Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Сэр Леопольд услышал на верхнем этаже плач, и он не мог понять принадлежит этот плач ребенку или женщине ... Мне кажется, это продолжалось слишком долго.
(Джеймс Джойс. Улисс)

В современном английском языке безличная конструкция *methinks* трансформировалась в личную конструкцию *I think*. В наше время строки Шекспира выглядели бы следующим образом: «*I think I have a great desire to a bottle of hay...*». Эти конструкции отражают разные этапы развития языкового мышления: в первой из них прослеживаются признаки влияния постороннего лица (окончание *-s*), т.е. действие совершается над объектом каким-то, скорее всего, потусторонним субъектом, т. е. фетишем.

Несколько иная ситуация сложилась с архаизмом *meseems*, поскольку при переводе на современный английский язык мы получим также безличную конструкцию *It seems to me*. Это пример того, как мифология проявляется в современном языковом мышлении. В данном примере один фетиш заменяется другим, но уже более чувственно-материальным, благодаря местоимению третьего лица *it*.

Представляется интересным следующий факт: несмотря на то, что эти слова вышли из массового употребления еще в среднеанглийский период, по их образцу, вопреки современной грамматике, в английском языке возникли такие слова, как *methopes*, *meknows*. Вследствие их грамматической ненормированности они не встречаются в литературных произведениях, однако активно используются молодым поколением в социальных сетях, что ярко демонстрирует живучесть мифологического сознания и в современном живом общении носителей английского языка. Возможно, подобные безличные конструкции свидетельствуют о подсознательном стремлении снять с себя ответственность за собственные мысли и ощущения, приписывая их всё тому же мифическому субъекту.

В общем же смысле сложный генезис фетишизма скрыт в анимизации сил природы, и в этом плане с точки зрения грамматических конструкций интересными нам представляются безличные предложения, связанные с явлениями природы — такие, как *it rains, it snows, it hails* и т. д.

When it rains, it pours (пословица)

Беда не приходит одна.

It was evening all afternoon.

It was snowing.

And it was going to snow.

The blackbird sat

In the cedar-limbs.

Весь день был вечер

Шел снег.

И он собрался идти и дальше.

Черный дрозд сидел

На ветках кедра.

(W. Stevens. *Thirteen Ways of Looking at a Blackbird*)

Вслед за А.М. Пешковским мы полагаем, что в основе безличных предложений лежит тот факт, что люди пытались объяснить причинно-следственные связи явлений со своей субъективной точки зрения и доступными им в те времена предположениями. Таким образом, мы можем рассматривать субъект таких предложений как мифологический.

А.Ф. Лосев по этому поводу писал: «Подлинный субъект безличного предложения для древнего мышления есть демон, который все еще мыслится слепо-чувственно, животное-инстинктивно, который все еще остается на ступени чувственно-воспринимаемого предмета, еще не отражается полностью в мышлении, а только предполагает-

ся им безотчетно и потому не именуется и даже не может именоваться» [1, с. 316]. В эпоху формирования грамматических категорий люди не знали законов природы и не умели устанавливать подлинные причинно-следственные связи между многими событиями. По словам А.Ф. Лосева, это этап эргативного мышления, когда люди создавали подобного демона, пытаясь объяснить происходящее. Эта мысль станет еще более понятной, если мы приведем пример подобного предложения в древнегреческом языке, который в переводе буквально означает «Зевс дождит». Здесь, можно сказать, раскрыты все карты мифологического мышления, которые в новых языках скрыты за местоимением третьего лица.

Аналогичное мнение высказал и А.А. Шахматов, который считал, что предложения, повествующие о природных явлениях и ныне считающиеся безличными, вероятно, произошли от личных двусоставных, где подлежащее могло обозначать божество (лат. *Juppiter tonat*, греч. *Ζεύς βροντά*, древнеинд. *Devo vbrshati*) [5, с. 88].

То же можно сказать и о безличных инхотативных конструкциях, обозначающих состояние – таких, как *it is cold, it is dark, it is windy*:

It grew so dark that the figures on the dial-plate were scarcely discernible.

(Ch. Dickens. *Oliver Twist*)

Стало так темно, что цифры на часовом циферблате были едва различимы.

(Ч. Диккенс. *Оливер Твист*)

It was cold, too; the wind like some slow, disintegrating force, blowing up the hill over the graves struck them with its chilly breath; they began to split into groups, and as quickly as possible to fill the waiting carriages.

(J. Galsworthy. *The Man of Property*)

К тому же было прохладно; ветер, пронесившийся над могилами, словно медленно разъединяющая Форсайтов сила, дохнул в лицо холодом; они разбились на группы и стали торопливо рассаживаться по каретам, ожидавшим у выхода. (Дж. Голсуорси. *Собственник*)

В этом случае мы также имеем дело с неизвестным субъектом, однако для мифологического мышления важно не столько это, сколь свойства этого «нечто» и процессы, связанные с ним, хотя на этом этапе развития мышления люди еще слабо отделяли идею вещи от самой вещи. Так, А.Ю. Пупынин писал: «... в историческом плане семантическое единство безличных конструкций базировалось на денотативно-понятийной однородности субъекта признака как «демонического» источника (причины, агенса) определенных процессов и состояний» [4, с. 61].

Основываясь на этой интерпретации явления, можно сказать, что на пути развития абстрагирующего мышления после фетишизма и демонизма следует анимизм. С этой точки зрения яркими примерами одухотворения неживых предметов, являющегося показателем мифологического мышления, служат случаи замены неодушевленных существительных местоимениями *he / she*. Интересно, что практически всегда используется местоимение *she*, что, возможно, своими корнями уходит к древнейшей стадии развития мышления – к мифологии матриархата.

Наиболее часто *she* используется, когда речь идет о кораблях:

The ship is bought and fitted. **She** lies at anchor, ready for sea. You never imagined a sweeter schooner – a child might sail **her** – two hundred tones; name, HISPANOLA.

(R.L. Stevenson. *Treasure Island*)

Корабль куплен и снаряжен. Он стоит на якоре, готовый выйти в море. Лучше нашей шхуны и представить себе ничего невозможно. Управлять ею может младенец. Двести тонн; она носит имя “Эспаньола”.

(Р.Л. Стивенсон. *Остров сокровищ*)

The steamer which was about to depart from Yokohama to San Francisco belonged to the Pacific Mail Steamship company, and was named General Grant. **She** was a large paddle-wheel steamer of two thousand five hundred tons.

(J. Verne. Around The World in 80 Days)

Пакетбот, совершавший рейсы между Иокагамой и Сан-Франциско, принадлежал Тихоокеанской почтовой компании и назывался «Генерал Грант». Это был большой колесный пароход вместимостью в две тысячи пятьсот тонн.

(Ж. Верн. Вокруг света за 80 дней)

Существует ряд объяснений того, почему английские слова, обозначающие корабли, заменяются местоимением женского рода. По одной из версий, в старину корабли посвящали богиням, а позже девушкам, которых уже не было в живых. Есть мнение, что корабли ассоциируются с женщинами вследствие того, что их называли в честь королев или других выдающихся женщин. Даже если корабль имеет в своем названии мужское имя, он всё равно называется местоимением *she*. Филологи же считают, что артикли, которые были заимствованы из древнеанглийского языка, обозначали род. Так, например, артикль *theo* означал женский род, а корабль по-древнеанглийски назывался *theo scoгру*. Другие дают шутовское объяснение этому явлению, проводя аналогии между кораблем и женщиной, как, например, на плакате в каюте корабля ВМФ США:

A ship is called a she because there is always a great deal of bustle around her; there is usually a gang of men about; she has a waist and stays; it takes a lot of paint to keep her good-looking; it takes an experienced man to handle her correctly; and without a man at the helm, she is absolutely uncontrollable. She shows her topsides, hides her bottom and, when coming into port, always heads for the buoys.

(<http://www.glossophilia.org/?p=1411>)

Корабль называют женщиной, потому что вокруг нее всегда много суеты; обычно рядом есть и группа мужчин; у нее есть талия и она сохраняет баланс. Требуется много краски для того чтобы она сохраняла свою красоту; чтобы ее правильно содержать нужно быть мужчиной с опытом; и без мужчины за штурвалом, она неуправляема. Она показывает себя с лучших сторон, скрывает плохие, и, прибывая в порт, всегда тянется буям (в английском языке слова «*buoys*»- «буи» и «*boys*»-«мальчики» созвучны, и, в данном случае «*buoys*» использовано в прямом значении и при этом вызывает ассоциации со словом «*boys*»).

Названия частей механизмов или передвигаемых предметов тоже часто заменяются местоимением *she*:

Peter took my watch and said, “**She** is 3 minutes slow».

Питер взял мои часы и сказал: «Они отстают на 3 минуты»

Let’s move this bed to the corner. Oh, **she** is heavy!

Давай подвинем эту кровать в угол. О, она тяжелая!

(<http://www.lintro.ru/lichnye-mestoimeniya/>)

Таким образом, мы можем видеть, что английское языковое мышление обладает образностью, ассоциативностью, эмоциональностью и склонностью одухотворять, что является реликтом мифологического сознания.

Подводя общий итог, можно утверждать, что мифологическое мышление, как и любое другое, не могло не отразиться в языке. Этапы развития мифологии определенным образом связаны с этапами развития синтаксиса. Первобытное мышление основано на фетишизме, демонизме и анимизме и сохраняет в себе древние мифологические представления, которые со временем «растворяются» и уходят в прошлое, маскируясь под привычно используемые современным человеком конструкции. Но всё же мифы до сих пор глубоко укоренены в языковом мышлении, хотя в наше время они гораздо меньше влияют на мышление, чем в древние времена.

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
4. Пупынин Ю.А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопросы языкознания. № 1. 1992. С. 48–64.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001.

References

1. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. Materials on linguistics. M., 1982 [in Russian].
2. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific interpretation. M., 2001 [in Russian].
3. Potebnja A.A. From notes on Russian grammar. Vol. 3. M., 1968 [in Russian].
4. Pupyinin Ju.A. Impersonal predicate and agent-object relationships in the Russian language. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of linguistics], no. 1, 1992, pp. 48–64 [in Russian].
5. Shakhmatov A.A. Syntax of the Russian language. M., URSS, 2001 [in Russian].

*M.I. Lisova**

**REFLEXION OF RELICTS OF MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS
IN ENGLISH GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS**

The aim of this article is to show how mythological consciousness is manifested in modern English language on the example of grammatical structures. The object of the research are English impersonal grammatical structures, grammatical archaisms, cases of using animate in relation to inanimate objects, and subject – reflected in it relicts of mythological consciousness. The scope of this work is to show how traits of mythological consciousness appear in modern grammatical constructions.

Key words: myth, mythological consciousness, grammatical structures, linguistic thinking.

Статья поступила в редакцию 10/VIII/2015.
The article received 10/VIII/2015.

* *Lisova Mariya Igorevna* (lisova.mariya@mail.ru), Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 65/67, Maksim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.